

В. Хартвиг

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ НАГА
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ**

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс в 1884 г. проанализировал историю человеческого общества на самых ранних этапах его развития, выявил основные черты первобытнообщинного строя, показал процесс его распада, возникновения классового общества и государства, вскрыл классовый характер государства. Как известно, он охарактеризовал первобытнообщинный строй как общественный строй, зависящий от родовых связей, покоящийся на родовых объединениях, при существовании которых «семья никогда не была и не могла быть ячейкой общественной системы, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам»¹. Такими ячейками были род, который полностью входил во фратрию, и фратрия, которая целиком входила в племя. Распадение общественной формации, расчлененной на родовые союзы, Энгельс в предисловии к первому изданию своей книги обрисовал следующими словами: старое общество «взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения,— общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно разрываются классовые противоречия и классовая борьба...»².

Разрабатывая вопрос об основных различиях между принципами общественной организации эпох варварства и цивилизации, Энгельс подчеркивал: «Его (родового строя.— В. Х.) предпосылкой было то, что члены одного рода, или хотя бы одного племени жили совместно на одной и той же территории, заселенной исключительно ими»; в другом месте он пишет: «По сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по *территориальным делениям*. Старые родовые объединения, возникшие и державшиеся в силу кровных уз, сделались... недостаточными, большей частью потому, что их предпосылка, связь членов рода с определенной территорией, давно перестала существовать»³.

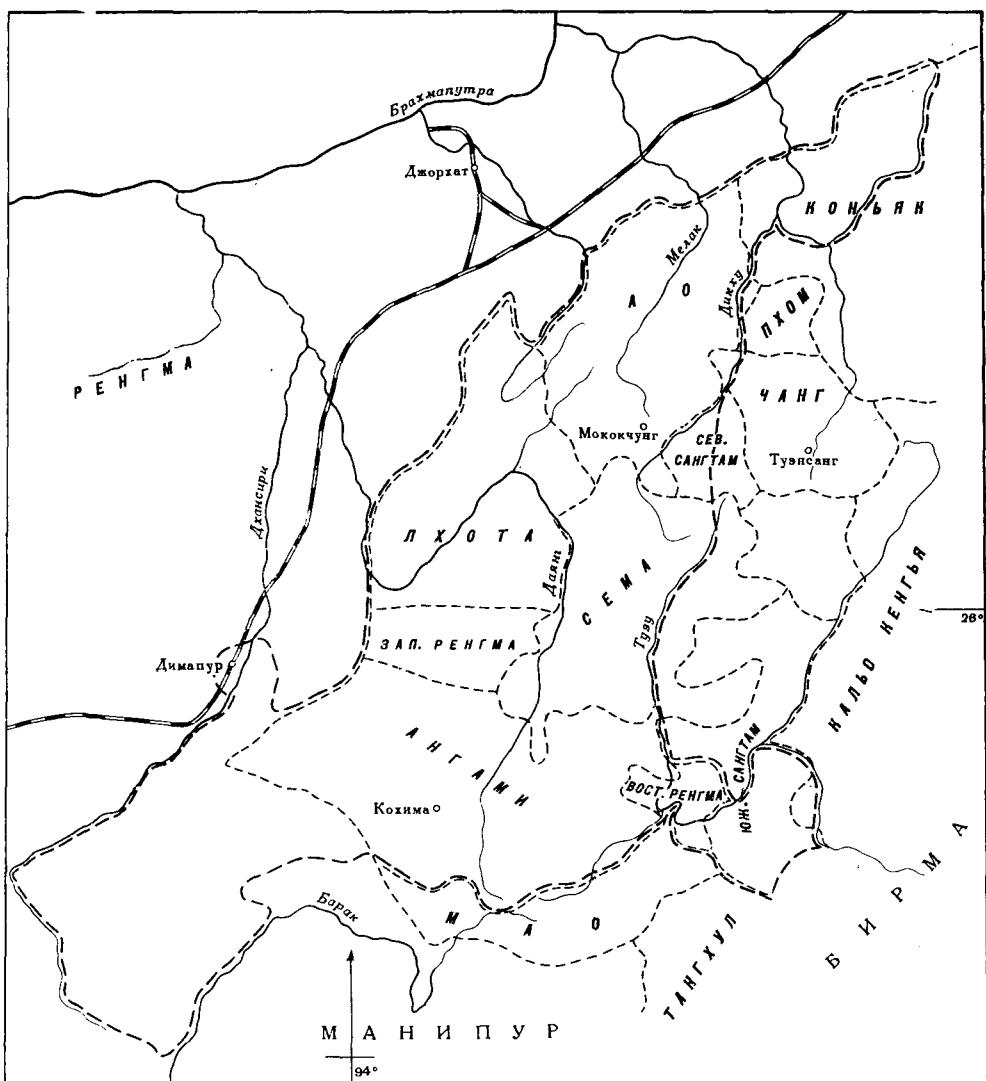
В статье «Марка» Энгельс писал по поводу захвата германцами областей к востоку от Рейна и к северу от Дуная: «Более близким по родству крупным группам доставалась определенная область, в пределах которой опять-таки отдельные роды, включавшие определенное количество семей, селились вместе, образуя отдельные села»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 102.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

³ Там же, стр. 168, 170.

⁴ Там же, т. 19, стр. 330.

Размещение групп нага (1900 г.). Жирная пунктирная линия — административная граница ассамского округа Нага, светлая пунктирная линия — граница между отдельными группами.

Только что приведенное высказывание понималось часто таким образом, что род — это общественная ячейка, которая жила замкнуто в одном поселке или, если она была велика, в нескольких поселках или поселениях⁵. Однако в последнем случае, как пишет И. Зеллнов о папуасах, «самостоятельность деревенских общин... приводила к модификации родовой организации, поскольку ограничивала солидарность рода в основном местным родовым союзом. Родовая солидарность вытеснялась солидарностью односельчан... потому что деревня сообщала регулировала удовлетворение некоторых социальных и хозяйственных потребностей и брала на себя также охрану обитаемой территории». Вместе с тем, по мнению И. Зеллнов, нельзя считать, что по мере возникновения сельских общин сразу же утверждался территориальный принцип со-

⁵ M. O. Koswen, *Abriß der Geschichte und Kultur der Urgesellschaft*, Berlin, 1957, S. 122 f.

циальной организации. «Напротив, сельские общины пытались приспосабливаться к общей схеме организации на основе кровного родства»⁶.

В условиях экзогамии и определенной локальности брачного поселения отдельный род никогда не мог быть территориальным объединением, и поэтому высказывание Энгельса о связи членов рода с определенной территорией нужно, на наш взгляд, понимать более широко: живущие вместе в определенной местности и работающие в одном поселении лица были связаны друг с другом тесными родственными узами⁷. Если территориальное объединение состояло по меньшей мере из двух экзогамных родов, то, таким образом, никогда производственно объединение не могло быть образовано членами одного рода.

Следовательно, производственные отношения, в которые вступали члены территориального объединения, не были ни идентичны, ни параллельны однолинейным родственным отношениям, и такая община в первобытном обществе была крепко спаяна изнутри не только тесными родовыми узами, но, прежде всего, общими политическими, экономическими и обрядовыми интересами. Материальный базис этих общественных связей — одинаковое отношение всех членов территориальной деревенской общины к земельной собственности. Таким образом, определяющими отношениями и в этом родо-племенном обществе, еще не расколотом на антагонистические классы, были производственные отношения⁸.

В процессе естественного прироста населения происходило образование новых коллективов, которые политически и экономически, а подчас и в отношении обрядовой жизни становились самостоятельными. С увеличивающейся консолидацией этих новых коллективов постепенно слабели прежние родственные связи с отдельными членами и родственными объединениями «материнских» или «сестринских» деревень. Вместо них прежде всего возникали политические связи. Следовательно, если не имелось реальных родственных связей между отдельными территориальными коллективами, представлявшими собой политически и территориально-экономически самостоятельные подразделения племени, то едва ли можно говорить о том, что подобные этнические общности, иначе говоря племена, основывались на принципе кровного родства⁹. Напротив, преобладающей организационной формой подобного племенного объединения являлись территориальные подразделения.

Обратившись к конкретному материалу, проследим эти закономерности на примере общества нага конца XIX — начала XX в. Такие территориальные объединения хорошо прослеживаются у нага, но это не сельская территориальная община, как думает Б. А. Калягин, и не соседская территориальная община, как полагает С. А. Маретина¹⁰. Эти исследователи в сущности видят в упомянутых ими организациях те более развитые сообщества, которые Маркс назвал земледельческой общиной, освобожденной от тесных уз кровного родства¹¹. Источники же, на которые опираются и Б. А. Калягин и — в отношении нага — С. А. Маретина, несомненно подтверждают существование и полную

⁶ I. Sellnow, Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte, Berlin, 1961, S. 182, 187, f., 371, 416; С. А. Маретина, Община у горных народов Ассамы. В кн. «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967, стр. 30.

⁷ В. М. Бахтa, Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество. В кн.: «Проблемы истории докапиталистических обществ», т. I (далее ПИДО), М., 1968, стр. 268, 269, прим. 5, стр. 314.

⁸ См. также: Л. В. Данилова, Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ, ПИДО, стр. 34.

⁹ I. Sellnow, Указ. раб., стр. 188.

¹⁰ Б. А. Калягин, Хозяйственный уклад и формы собственности племен нага, «Народы Азии и Африки», М., 1968, стр. 88; С. А. Маретина, Указ. раб., стр. 32.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 403, 419.

функциональную сохранность родовой организации в территориальных деревенских общинах нага в конце XIX и в начале XX в.

Заселение горных областей к юго-востоку от равнины Брахмапутры племенами нага происходило, по преданиям самих нага, из нынешних пограничных районов Нагаленда и Манипура. На первом этапе этого движения, продолжавшегося столетия, в период захвата земель, предки ряда племен нага — ангами, сема, ао, лхота и ренгма — продвинулись из указанной исходной области на север. Причиной полуоседлого образа жизни этих групп была особая форма производства — «кочевое» земледелие.

В начале второго этапа, называемого нами периодом территориально-экономического освоения земли, с переходом к подсечно-огневому земледелию (система *джхум*) совершился также переход к оседлому образу жизни и постоянным поселениям. Возникновение дочерних поселений — при дальнейшем существовании «материнской» деревни — представляло собою внешнее проявление процесса территориально-экономического освоения земли, причиной которого, в конечном счете, был рост населения. Так как население отдельных общин увеличивалось неравномерно, то процесс освоения новых земель начинался у разных племен нага в разное время (у северных коньяк — в середине XIV в., у лхота и сема — лишь в середине XVII в.). А завершился он тогда, когда в той или иной местности вся территория оказывалась полностью разделенной между местными деревенскими общинами. Ко времени установления британского колониального господства этот процесс почти повсюду в горах Нага относился уже к прошлому, только у сема и чанг территориально-экономическое освоение новых земель еще продолжалось¹².

Взаимоотношения нага с раннефеодальными государствами народов долины Брахмапутры (ахомами, качари, ассамцами) и Манипура (мейтхями) не оказали ощутимого влияния на внутреннее развитие общества нага. В продолжение столетий общины пограничных с долиной Брахмапутры областей вели постоянную борьбу с ахомами за сохранение своей политической самостоятельности. По-видимому, экономические связи стали налаживаться лишь в начале XVIII в.¹³ Наоборот, нага Манипура сравнительно рано вступили в интенсивные контакты с более развитыми в общественном отношении мейтхями.

Большинство племен нага, живших на территории современного индийского штата Нагаленд, в течение продолжительного периода географически и политически были как бы изолированы от хода исторического развития этой области Юго-Восточной Азии и сохранили языковое, культурное и этническое своеобразие. Установление власти Британской империи в конце XIX в. не привело к преодолению традиционной замкнутости нага. Более того, британская администрация стремилась использовать традиционную замкнутость нага для политической изоляции этой горной области от остальной Индии. Вместе с тем насильственное усмирение края и введение денежного обращения создали совершенно новую историческую ситуацию. Прежде самобытные хозяйство и общественная структура нага стали развиваться по иному пути.

Традиционное хозяйство нага было основано на земледелии. Единственными орудиями обработки почвы были длинный нож (дао), моты-

¹² I. H. Hutton, *The Sema Nagas*, London, 1921, p. 8; W. Hartwig, *Wirtschaft und Gesellschaftsstruktur der Naga in der zweiten Hälfte des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts*, «Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Berlin, Heft 20, 1969, S. 27; е р о ж е, *Zum Problem der «Feudal Position» des Akekao (Chief) bei den Sema Naga (Indien)*, «Jahrbuch des Museum für Völkerkunde zu Leipzig», Berlin, Bd. 24, 1967, S. 128 f.

¹³ E. A. Gait, *A history of Assam*, London, 1926, p. 77, 79, 97, 168; W. Hartwig, *Wirtschaft...*, S. 41 f.

га и палка-копалка. Большинство племен нага возделывало на расчищенных огнем участках горный рис (система *джхум*), тогда как ангами, восточные ренгма и отдельные, соседящие с ареалами расселения этих групп, деревни сема и западных ренгма, а также чиру возделывали рис на орошаемых террасах (система *паникхет*). Как при подсечно-огневом, так и при террасном земледелии наделы, на которые разделялась вся возделываемая земля деревенской общины, крестьяне обрабатывали всей семьей. При подсечно-огневом земледелии ежегодно обрабатывался новый участок из тех земель, что принадлежали деревне. В организации труда при обеих формах хозяйствования преобладала простая кооперация — взаимная помощь отдельных живших по соседству или родственных семей друг другу. Большую роль при выполнении трудоемких полевых работ играли особые, основанные на системе возрастных групп объединения подростков, которые помогали поочередно каждой семье¹⁴.

Скотоводческое хозяйство, дававшее основную долю мясных продуктов, велось также индивидуально. Содержание и объем ремесленного производства, занимавшего в традиционной хозяйственной жизни нага прочное место, определялись реальными общественными потребностями, наличием природных материалов, трудовым опытом и умением отдельных производителей. Причем лишь ремесленное производство, хотя еще и не ставшее самостоятельным в социальном отношении, давало некоторую продукцию, поступающую в мало развитую сферу обмена.

Освоение новых земель было завершено, однако население продолжало сильно увеличиваться. Общины ангами-нага освоили в течение XVIII в. систему террасного земледелия и благодаря этому оказались в состоянии повысить производительность земледелия на той же площади, одновременно значительно сократив производственный цикл по сравнению с широко распространенной подсечно-огневой системой. Произошло временное или полное высвобождение рабочей силы. Это привело, в свою очередь, к развитию ремесленного производства, к появлению мелких товаропроизводителей и даже торговцев. Тем самым в общинах ангами, а также у тангхул и других племен возникли первые элементы общественного разделения труда, что уже свидетельствовало о начале новой стадии в развитии традиционного хозяйства нага.

Общественная структура нага характеризовалась во второй половине XIX в. и в первые десятилетия XX в. сосуществованием двух различных субструктур. Внутри каждого племени сохранялись два типа общественных связей: территориальные и кровнородственные. Таким образом, каждый человек относился всегда к двум четко разграниченным, различающимся в самой своей основе социальным группам. Причем каждая из этих групп представляла собой основную ячейку одной из субструктур общественной системы в целом¹⁵.

К концу XIX в. в горах Нага больше не имелось незаселенных местностей. Все земли были разделены между отдельными общинами нага. Каждая из этих общин претендовала на четко ограниченную территорию, хотя и не всегда отделенную естественными рубежами или специальными пограничными знаками. Границы своей территории, а также границы земель соседней общины были хорошо известны каждому. Об этом свидетельствуют, например, традиционные права отдельных племен на уголья для охоты, собирательства и рыбной ловли. В ис-

¹⁴ W. Hartwig, Feudal position., S. 110—119; I. H. Hutton, The mixed culture of the Naga tribes, «The Journal of the Royal Anthropological Institute», London, vol. 95, 1965, part I, p. 24.

¹⁵ Ср.: Л. В. Данилова, Указ. раб., стр. 35; O. Lange, Ganzheit und Entwicklung in kybernetischer Sicht, Berlin, 1966, S. 34; Н. А. Бутин, Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты), ПИДО, стр. 110 и сл., 134—143.

следующее время у всех племен нага только деревенские общины были такими четко выделенными коллективами. Более крупные организационные объединения, выходящие за пределы отдельной деревенской общины, основанной на территориальном принципе, в ту эпоху были чужды обществу нага.

У нага было отчетливо выражено сознание принадлежности к своей деревенской общине, жители других деревень воспринимались как чужие. Например, если кто-либо в связи с браком или по иной причине переселялся в другую деревню, то с этого времени он считался чужаком, человеком из другой деревенской общины, хотя родственные связи и сохранялись.

Деревенская община у нага была тем коллективом, в котором жил и трудился каждый отдельный человек, коллективом, который отделял себя в целом и каждого своего члена от посторонних, представлял общие интересы всех своих членов, а в случае необходимости и защищал их. В XIX в. роль деревенской общины как политического и оборонного объединения проявлялась и в создании оборонительных сооружений.

Во второй половине XIX и в начале XX в. политически самостоятельные деревенские общины были одновременно и теми организованными по территориальному принципу объединениями, в рамках которых осуществлялось материальное производство. В деревнях, где практиковалась система джхум, обрабатывалась всегда лишь часть годной для возделывания земли. Эта обрабатываемая в данный момент площадь не была разбросана по всей принадлежащей деревне территории, а в каждом случае составляла единый «земельный блок», который в процессе земледельческих работ превращался в сферу совместной деятельности. И так, в процессе производства основных продовольственных продуктов все крестьяне каждой отдельной деревни при системе джхум применяли один и тот же подсеčno-огневой способ обработки земли. Периодическая смена «земельного блока» при этом производилась также коллективно. В деревнях с системой паникхет, где крестьяне не меняли ежегодно возделываемого участка, а постоянно обрабатывали однажды заложенные на орошаемых террасах поля, менее отчетливо можно было проследить существование единой сферы деятельности. Указанное единство проявлялось здесь не при разработке новых «земельных блоков», а в специфике системы ирригации, заключавшейся в существовании единого плана закладки всех террасовых участков деревни.

Объясняя причины обработки земли единым блоком, некоторые авторы указывали на необходимость обеспечить эффективную защиту полей, а также самих производителей, равно как и на специфику некоторых форм организации труда¹⁶. В действительности же в основе лежала существовавшая у нага система землевладения. В этих формах реализовались вполне определенные производственные отношения внутри общины.

Во второй половине XIX и в начале XX в. земля — основное средство производства у нага — была общей собственностью территориальной деревенской общины. Парцеллярная обработка единого «земельного блока» при джхуме и семейного надела при террасном земледелии, частное присвоение индивидуально произведенных продуктов отдельными хозяйствами данной деревенской общины никоим образом не противоречили условиям общинного землевладения, а лишь характеризовали достигнутую обществом нага стадию исторического развития, которая с точки зрения социально-экономической уже соответствовала земледельческой общине, описанной Марксом. Хотя в деревенских общи-

¹⁶ Н. Е. Kauffmann, *Landwirtschaft bei den Bergvölkern von Assam und Nord-Burma*, «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 66, Berlin, 1935, S. 52.

нах нага при обеих системах хозяйствования условия землевладения были принципиально одними и теми же, но при террасном земледелии связь крестьянина с постоянно использовавшимся им участком под орошаемым рисом (благодаря непрерывному вложению одним и тем же семейством личного труда) была все же значительно теснее, чем связь со своим участком тех крестьян-нага, которые занимались подсечно-огневым земледелием и пользовались своими наделами лишь в течение двух лет, а затем забрасывали их на длительное время. Таким образом, более развитому уровню производительных сил в общинах с террасным земледелием соответствовало дальнейшее развитие производственных отношений.

То, что у нага в указанный период деревенские общины являлись территориально-экономическими объединениями, внутри которых реализовались производственные отношения, подчеркивалось существованием внутри каждой деревенской общины своей собственной, хотя и мало развитой системы мер и весов, а также тем, что угоды каждой деревни для охоты, собирательства и рыбной ловли представляли собой общую, не разбитую на мелкие участки сферу деятельности, и тем самым являлись как бы общественной собственностью всех членов данной деревенской общины¹⁷.

Большое количество геппа (запретов), которые соблюдались всегда и всеми жителями данной деревни, относящихся к религиозно-магическому воздействию на результаты производительной деятельности (например, к сбору урожая, или к оберегу общины от всяких превратностей), говорит о том, что и в отношении традиционной обрядовой жизни деревенская община представляла собою основную организационную ячейку нага.

Взаимоотношения с другими сельскими общинами в этих условиях были отношениями между равными и основывались на принципе взаимности. Даже тогда, когда небольшая деревня, чтобы уменьшить опасность нападений со стороны охотников за головами, «становилась под защиту» более сильной общины¹⁸, эти междеревенские отношения никогда не приобретали характера особого социального института. Общество нага в то время не знало никакой политической организации, выходящей за пределы деревенской общины, а следовательно, не имело и каких-либо органов, пекущихся об интересах нескольких деревенских общин.

Наряду со сходом в качестве органов управления деревенской общины действовали деревенский совет и староста. Ведению деревенского совета подлежали как взаимоотношения с другими общинами, так и регулирование важных внутридеревенских хозяйственных дел: ежегодный выбор «земельного блока», подлежащего обработке, организация совместных работ, расследование и улаживание всякого рода споров и т. д. Особых исполнительных органов не было. Исполнительные функции возлагались большей частью на старост или же на все население деревни. Штрафы натурой за незначительные проступки шли обычно в пользу коллективов, выносивших приговор¹⁹.

Различные функции были прерогативой определенных лиц. Ими в деревенской общине были староста и распорядитель по обрядам.

¹⁷ I. P. Mills, *The Lhota Nagas*, London, 1922, p. 228; его же, *As Nagas*, London, 1926, p. 399; C. Fürer-Haimendorf, *Das Gemeinschaftsleben der Konyak Naga von Assam*, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd. 71, 1941, S. 94.

¹⁸ C. Fürer-Haimendorf, *The Morung System of the Konyak Nagas of Assam*, «The Journal of the Royal Anthropological Institute», London, vol. 68, 1938, p. 367.

¹⁹ C. Fürer-Haimendorf, *Gemeinschaftsleben...*, S. 94; W. C. Smith, *The Ao Naga Tribe of Assam*, London, 1925, p. 61.

В наиболее динамичные периоды, в особенности в период территориально-экономического освоения земли, должность старосты имела особенно большое значение. Позднее, по мере укрепления новой общины, его роль функционально несколько изменилась. Одновременно происходило превращение вначале непрочно спаянной группы совещающихся мужчин в постоянный деревенский совет. В более развитых в социально-экономическом отношении общинах ангами, восточных ренгма, тангхул и кабуи староста выделялся уже не своим происхождением от «основателя деревни», а благодаря уважению, которым он пользовался.

Во второй половине XIX и в начале XX в. всем без исключения селениям нага было присуще территориальное деление на так называемые *кхели*. Они представляли собой объединения неопределенного числа домов и обычно между ними существовали традиционные границы: это могла быть или просто полоса незанятой земли, или настоящее укрепление. По некоторым сообщениям, в 1930-е годы эти территориальные подразделения внутри деревень ангами-нага имели тенденцию к делокализации²⁰.

Значение кхеля заключалось не столько в территориальном расчленении поселений, сколько в том, что кхель был местом жительства определенной группы людей, связанной социально-экономическими взаимоотношениями. Каждая такая группа, иногда включавшая до двухсот семей, составляла объединение, возникновение которого в каждом отдельном случае являлось следствием определенных исторических событий. Число кхелей в отдельных селениях было неодинаковым: их могло быть два или пять, а в одном случае их было девять.

Несмотря на «соперничество» между кхелями, которое иногда перешло даже в кровопролитные стычки, и существование особых взаимоотношений между отдельными кхелями одного селения и кхелями других селений, кхели не были территориально, политически или экономически самостоятельными организационными ячейками, а были как бы прочно впаянными в деревенскую общину подчиненными элементами территориальной субструктуры общества нага. Взаимоотношения между кхелями одной деревни как бы регулировались теми нормами, которые способствовали сплочению и тем самым существованию деревенской общины²¹.

Принадлежность к определенному кхелю обеспечивала мужчине и его семье право селиться на территории данного кхеля, соорудить там собственный дом; проживание же на территории кхеля, в свою очередь, свидетельствовало о принадлежности к соответствующему кхелю. При таких условиях смена кхеля, между членами которого, особенно в области материального производства, существовали тесные взаимосвязи, должна была в принципе быть связана с переносом дома в другой кхель. Так обстояло дело в двадцатых — тридцатых годах нашего века у ангами. За «тенденцией делокализации» кхелей скрывалось, по сути дела, стремление сохранить определенные обрядовые связи, имея в то же время право принадлежать к другому кхелю. Однако основные экономические, а частично и политические связи реализовались по-прежнему на базе и в рамках того кхеля, где эти лица проживали. Следовательно, не «тенденция к делокализации» кхелей характеризовала в те годы развитие деревенских общин ангами, а дальнейший ход дифференциации некогда менее расчлененных общественных отношений. Принцип территориальной организации концентрировался теперь в социально-экономической области, но утрачивал свое прежнее значение в области обрядовой жизни.

²⁰ H. E. Kauffmann, Weiderecht bei den Naga, «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, Bd. 75, 1950, S. 74.

²¹ C. Fürer-Haimendorf, Gemeinschaftsleben..., S. 90; его же, Morung System..., p. 372; I. H. Hutton, The Angami Nagas, London, 1921, p. 109.

В общинах ао, коньяк, тангхул и, возможно, также сангтам деревенские советы состояли из представителей отдельных кхелей. Такими представителями были предводители кхелей, функции которых у разных племен и в разных селениях (например, у коньяк) могли быть различными. У сема, кальо-кенгья, чанг и ангами также существовали предводители кхелей, и только в деревенских общинах ао-нага имелись особые советы кхелей.

Во второй половине XIX и в первые годы XX в. самым значительным институтом внутри кхеля был *морунг* — «дом молодых мужчин». Здесь коллективно воспитывалось подрастающее мужское поколение кхеля осуществлялось его постепенное включение в общество взрослых мужчин. Связанное с этим формирование возрастных групп мальчиков и юношей которые затем жили именно в морунге, создало предпосылки для возникновения оборонительных отрядов, служивших всей деревенской общине а также предпосылки для возникновения определенных форм организации труда в низовых хозяйственных объединениях. С той же целью постепенного включения в сообщество взрослых мужчин нередко внутри кхеля подрастающее поколение девочек и девушек разделялось на подобные возрастные группы²².

С конца прошлого столетия институт морунга претерпел у ряда племен известные изменения, которые никоим образом не были следствием «усиления института предводителей», как предполагает К. Фюрер-Хаймendorф²³, а имели конкретные исторические причины. С установлением британского колониального господства и запретом охоты за головами постепенно отпала необходимость постоянной боевой готовности, а вместе с ней и необходимость поддерживать оборонные сооружения и военную организацию. Это подорвало институт морунга.

Сокращение традиционных задач морунга имело в отдельных общинах неодинаковые результаты. В деревнях тхенкох-коньяк, лхота, ао ренгма и чиру морунг приспособился к новым условиям и в двадцатых — тридцатых годах нашего века основной его задачей стало приобщение молодежи к хозяйственной жизни кхелей²⁴. В противоположность этому в деревнях сангтам, чанг, сема, ангами, марам и кабуи вместе с военной организацией был отброшен и сам институт морунга.

Воспитательные и организационные задачи, которые когда-то были связаны с морунгом, разрешались отныне другими учреждениями деревенской общины в целом или отдельного кхеля. Однако из-за того что исследователи обычно занимались проблемами исторического преобразования института морунга только в связи с использовавшимися им домами, процессу распада этого когда-то самого значительного внутри кхеля института почти не уделялось внимания.

Структура родства у нага в конце XIX и начале XX в. покоилась на патрилинейных родственных группах, которые в этнографической литературе, посвященной этому народу, принято называть кланами. Принадлежность к клану отца определялась, как правило, рождением. У коньяк, лхота, ангами и западных ренгма известны случаи усыновления, однако следует отметить, что усыновлялись всегда еще несовершеннолетние мальчики²⁵.

В деревнях коньяк, а также ангами нередко встречались семьи, главы которых или их предки перешли из других деревень. Переселившиеся семьи обосновывались в каком-либо кхеле деревни, жили и работали

²² C. Furer-Haimendorf, *Gemeinschaftsleben...*, S. 26; I. P. Mills, *The Ao Nagas*, p. 177.

²³ C. Furer-Haimendorf, *Das Junggesellenhaus im westlichen Hinterindien*, «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», Jg. I, 1930, S. 346.

²⁴ G. Furer-Haimendorf, *Gemeinschaftsleben...*, S. 23; I. P. Mills, *The Lhota Nagas*, p. 24; его же, *The Rengma Nagas*, London, 1937, pp. 49, 50.

²⁵ C. Furer-Haimendorf, *Gemeinschaftsleben...*, S. 84; I. H. Hutton, *The Angami Nagas*, p. 119.

в нем и являлись равноправными членами деревенской общины. Однако включение такой семьи в территориальную организацию данной общины, которое завершилось ее поселением в одном из кхелей деревни, еще не было равнозначно ее включению в субструктурную группу данной деревенской общины, организованную по принципу родства. Глава переселившейся семьи мог присоединиться к одному из кланов, входящих в кхель, объявив новым «сородичам» о своем желании. С этого времени он считался принадлежащим к этому клану. Следует отметить, что его дети считались принадлежащим к клану уже по праву рождения. В кругу сородичей человек, принадлежность которого к этому клану основывалась на волеизъявлении или на усыновлении, в принципе был равноправным, но на протяжении всей своей жизни он все же не считался настоящим родственником по крови. Это обнаруживалось, например, в том, что родовая экзогамия для него не была обязательной, но зато неукоснительно должна была соблюдаться теми, кто принадлежал к клану по рождению²⁶.

Благодаря экзогамии наиболее существенными связями между кланами — этими основными ячейками кровнородственной структуры — были брачные связи. Часто два или несколько кланов считались родственными друг другу, а так как браки между членами таких кланов также были запрещены, то эти «родственные» кланы составляли более широкие экзогамные объединения. Подобными объединениями второй степени были группы кланов (фратрии) ао, лхота и ренгма, а также кхели некоторых деревень коньяк, мао (меми) и ангами. Наконец, существовали также отдельные экзогамные объединения третьей степени в виде двух или нескольких «родственных» кхелей²⁷.

Если рассматривать субструктуру по родству формально, вне системы общественных отношений в целом, то ей, по-видимому, присуща тенденция к постепенному перемещению экзогамного запрета на более «молодые» объединения²⁸. В действительности же за этой тенденцией скрывалось более или менее сознательное стремление учесть изменения в территориальных субструктурных ячейках и в составе некогда основных ячеек кровнородственной субструктуры, чтобы тем самым сохранить структуру в целом.

Возникавшие новые патрилинейные родственные группы в конце концов образовывали экзогамные объединения первой степени, т. е. новые кланы. В то же время прежние кланы, возможно, еще некоторое время функционировали в качестве экзогамных объединений второй или третьей степени, но утрачивали свое значение основных ячеек родовой структуры.

Неоднократно упоминая племена нага, мы имели в виду этнические общности: группы людей, которые говорили на общем диалекте или, по крайней мере, на родственных диалектах, которые совместно владели определенной территорией, культура которых носила общие черты и которые разделялись на кланы. Но этническую общность следует рассматривать также как структурную форму, как форму развития общественной жизни.

Продолжавшийся в течение трех столетий процесс территориально-экономического освоения новых земель привел к серьезным этническим сдвигам у нага, к разрыву некогда единых племенных территорий и образованию новых этнических общностей. При этом, естественно, происходили заимствования в области языка, материальной и духовной культуры. Однако новые общины возникали в тот период все же на основе структурных принципов, существовавших в «материнских» общинах.

²⁶ S. Mills, *The Ao Nagas*, p. 162.

²⁷ S. Mills, *The Ao Nagas*, pp. 13—27; его же, *The Lhota Nagas*, p. 88; его же, *Rengma Nagas*, pp. 11—15; I. H. Hutton, *The Angami Nagas*, p. 116.

²⁸ I. H. Hutton, *Mixed Culture...*, p. 20; S. Mills, *The Lhota Nagas*, p. 87.

Сравнительно медленно развивавшиеся производительные силы еще не приводили к качественному изменению производственных отношений. Такие самодовлеющие, по выражению К. Маркса, общины, характеризующиеся простотой производственного механизма, могли воспроизводить себя в одной и той же форме²⁹.

Производственные отношения во всех общинах нага — безразлично, шла ли речь об общинах, занимавшихся земледелием по системе джхум или паникхет и принадлежавших к различным племенам, — носили в принципе один и тот же характер. Следовательно, лишь экономическая субструктура, равно как и изолированно рассматриваемая кровнородственная субструктура, не могут дать ключа к анализу племенного строя нага. Причины этого, по-видимому, следует искать в тесном взаимопроникновении субструктур и их элементов во всей системе общественных отношений у нага.

Хотя вновь возникавшие коллективы в каких-то отношениях отличались от своих «материнских» деревень, но с созданием нового поселения не возникали принципиально новые общественные отношения. Сознательной целью каждой более или менее крупной группы, осваивавшей новые территории, если она хотела устоять против других уже существовавших общин, было создание такого коллектива, который должен был со временем развиться в замкнутую, самостоятельную в территориальном, политическом, экономическом и обрядовом отношении деревенскую общину.

Так как для общественных отношений внутри деревенских общин, превращавшихся в период территориально-экономического освоения новых земель в «материнские» деревни, было характерно наличие экзогамных патрилинейных родственных групп, то логично заключить, что в основании новой деревни должны были участвовать члены по крайней мере двух кланов, чтобы новый коллектив мог стать самостоятельным также и в отношении возможности заключения браков и мог отделиться от «материнской» деревни³⁰. Существовавшие у всех племен нага экзогамные запреты следует рассматривать как регуляторы, присущие данной системе общественных отношений, функция которых заключалась в том, чтобы сохранить данную общественную структуру в случае исторически обусловленных количественных изменений в элементах данной системы.

В первые десятилетия существования новых деревенских общин сохранялись еще реальные родственные связи с членами и родственными объединениями «материнских» или «сестринских» деревень. С течением времени эти связи ослабевали, и кланы ставших самостоятельными в территориальном, политическом, экономическом и обрядовом отношении новых деревенских общин начинали включать лишь тех членов «материнских» кланов, которые жили в одной и той же деревне или кхеле. Имеющийся материал относительно сема-нага особенно наглядно подтверждает связь людей именно с территориальными объединениями: мужчина и женщина, формально принадлежащие к одному и тому же клану, могут вступить в брак, если они ведут свое происхождение из различных деревень и если не имеют на протяжении пяти поколений общего предка по отцовской линии³¹. Несомненно, разрыв родственных связей по отцовской линии с отдельными членами и коллективами других деревенских общин немало способствовал сплочению новых деревенских общин.

Процесс встраивания кланов в деревенскую общину исторически прослеживается в традиционном признании связи между наследственным

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 371.

³⁰ W. Hartwig, *Zum Problem der Feudal Position*..., S. 108 f., Anm. 131.

³¹ I. H. Hutton, *The Sema Nagas*, p. 130.

положением главы клана и местом, на котором при основании деревни предок клана соорудил свой жилой дом. В начале нашего столетия, однако, эта связь, превратившаяся со временем, по-видимому, в общепринятую правовую норму, сохранилась только там, где статус главы определенного клана по традиции совпадал с должностями в деревенских общинах или кхелях.

В случае смерти главы клана его должность переходила к следующему по возрасту сородичу мужчине. Так как при этом кланы основателей деревни не составляли исключения, то в случае смерти прямых потомков обоих основателей деревни как функции распорядителя по обрядам, так и функции старосты переходили к старшему в данное время сородичу. Благодаря этому функции старосты деревенской общины (института, организованного по территориальному принципу) в конце XIX и в начале XX в. были уже в течение многих поколений, а подчас со времени основания данной общины связаны с определенными кланами.

Еще отчетливее обнаруживалась связь институтов деревенской общины и кхеля с основными ячейками родовой организации в деревенских советах и советах кхелей. У племен сема, ао, чанг, западных ренгма и, возможно, также у сангам в исследуемое время каждый существующий в деревне или кхеле клан имел свое место и свой голос в совете и был в нем представлен своим предводителем³².

Общины, возникавшие в период территориально-экономического освоения новых земель, быстро превращались в самостоятельные территориальные объединения. Однако уже с самого момента основания новых деревень организационные ячейки, основанные на родственном принципе, независимо от их количественного состава, были вполне готовы для выполнения своих функций. Поэтому представители именно этих родовых организационных единиц в период консолидации новых коллективов помогали старосте своими советами. Когда эти, вначале слабо сплоченные, органы в конце концов превращались в прочный институт — деревенский совет — предводители отдельных кланов участвовали в управлении в качестве членов совета. В начале XX в. у большинства указанных выше племен сохранялось именно такое положение.

Как уже указывалось выше, в исследуемый период для общества нага было характерно сосуществование двух субструктур в пределах каждого племени. Своеобразие племенной структуры отдельных этнических общностей нага в конце XIX и в начале XX в. определялось тем, каким образом элементы одной субструктуры были связаны с элементами другой, и, в особенности, каким образом политические учреждения территориальных ячеек племени были переплетены с родовыми объединениями.

В сельских общинах ангами, нага Манипура, восточных ренгма и лхота к началу XX в. влияние кровнородственных организаций на общинное управление постепенно исчезало. В самых важных политических учреждениях сидели наиболее уважаемые люди деревни. Посредством превратившегося в настоящую систему института особых празднеств, ставших главной формой общественного использования индивидуально произведенного и частным образом присвоенного прибавочного продукта, различным людям удавалось приобрести высокую степень социального уважения в своих деревенских общинах. Они получали право голоса в совете, а затем и возможность влиять на судьбы общины.

Основой этого процесса в освобождения политических учреждений деревенской общины от сильных, но тесных уз кровного родства было развитие производственных отношений, которые у всех племен нага характеризовались общей собственностью на основное средство произ-

³² W. Hartwig, Wirtschaft..., S. 137.

водства — землю, парцеллярным характером ее обработки и частным присвоением продуктов, индивидуально произведенных отдельными хозяйствами.

Родственная организация в деревенских общинах ангами и нага Манипура в течение XIX в., очевидно, уже утратила свое влияние на внутриобщинное управление и должна была ограничиться своей специфической сферой. Такие общины окончательно освободились от родовых устоев и превратились в земледельческие общины. Развитие их сдерживалось бесклассовым общественным строем³³, но в силу присущего им дуализма они стояли уже на пороге раннеклассового общества. Установление британского колониального господства в последней трети XIX в. положило конец динамичному развитию общества нага, но в то же время стимулировало развитие уже зарождавшихся классовых противоречий.

SOME PROBLEMS PERTAINING TO THE SOCIAL STRUCTURE OF THE NAGA IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

Some problems of social structure of the Naga inhabiting the Burma-India frontier region are considered in the article. The extremely complex network of blood kinship and territorial links are analyzed on factual material both under conditions of terrace irrigation (the *panikhet* system) and those of slash-and-burn agriculture (the *jhum* system).

³³ Закон экзогамии, правда, все еще действовал как важнейший регулятор брака, однако он уже утратил свою прежнюю охранную для системы функцию благодаря качественным изменениям во взаимоотношениях элементов обеих общественных структур.